Содержание

ОДИН 5
ДВА 10
ТРИ 28
ЧЕТЫРЕ 39
ПЯТЬ 50
ШЕСТЬ 62
СЕМЬ 80
ВОСЕМЬ 105
ДЕВЯТЬ 134
ДЕСЯТЬ 152
ОДИННАДЦАТЬ 166
ДВЕНАДЦАТЬ 195
ТРИНАДЦАТЬ 224
ЧЕТЫРНАДЦАТЬ 258
ПЯТНАДЦАТЬ 271
ШЕСТНАДЦАТЬ 304
СЕМНАДЦАТЬ 325
ВОСЕМНАДЦАТЬ 337
ДЕВЯТНАДЦАТЬ 349
ДВАДЦАТЬ 376
ДВАДЦАТЬ ОДИН 389
ДВАДЦАТЬ ДВА 402
ДВАДЦАТЬ ТРИ 432
ДВАДЦАТЬ ЧЕТЫРЕ 457
ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ 481
ДВАДЦАТЬ ШЕСТЬ 504

ДВАДЦАТЬ СЕМЬ 521
ДВАДЦАТЬ ВОСЕМЬ 553
ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТЬ 573
ТРИДЦАТЬ 592
ТРИДЦАТЬ ОДИН 616
ТРИДЦАТЬ ДВА 628
ТРИДЦАТЬ ТРИ 641
ТРИДЦАТЬ ЧЕТЫРЕ 659
ТРИДЦАТЬ ПЯТЬ 669
ТРИДЦАТЬ ШЕСТЬ 681
ТРИДЦАТЬ СЕМЬ 691
ТРИДЦАТЬ ВОСЕМЬ 706
ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТЬ 717
СОРОК 728
СОРОК ОДИН 738
СОРОК ДВА 755

Один

Здание Центральной школы все еще стоит на старом месте, глубоко спрятав свои тайны в молчаливых коридорах и подвалах. Вот уже восемьдесят четыре года меловая пыль кружится в редких солнечных лучах, пробивающихся в классные комнаты через запыленные окна, и воспоминания о событиях прошедших лет витают в неподвижном воздухе, плотном от застарелого запаха лака, покрывающего полы и лестницы, чьи ступени так напоминают крышки гробов из красного дерева! Стены Центральной школы были столь толстыми, что, казалось, блокировали все звуки, идущие и снаружи, и изнутри, а высокие окна, покосившиеся от возраста и усадки стен, едва пропускали усталый тускло-коричневый свет.

Время словно застыло в коридорах Центральной школы, а эхо шагов, иногда разносившееся под сводами ее помещений, казалось приглушенным и никак не было синхронизировано с движением тех, кто пробирался через тени, гулявшие по коридорам.

Первый камень школы был заложен в 1876 году — в том самом году, когда генерал Кастер и его отряд сложили головы на Дальнем Западе, возле реки Литл-Бигхорн, а в Филадельфии, на выставке, организованной по случаю столетия нации, был представлен первый телефон. Старую Центральную школу воздвигли в штате Иллинойс — на полпути между местами, где произошли эти великие события, но (так уж вышло) на

максимальном отшибе от того, что называется «настоящая история».

К весне 1960 года старая Центральная школа стала напоминать одну из выстарившихся «училок», которые в ней еще преподавали — слишком старых, чтобы хорошо работать, но слишком гордых, чтобы уволиться. Школу, как и их, поддерживали привычка и непреклонное упрямство, мешавшее им склониться перед неизбежностью и просто отойти от дел. Бесплодная от природы, как злобная старая дева, Центральная школа была неспособна иметь собственных детей, но в течение десятилетий воровала чужих.

Девочки играли в куклы в полумраке ее классов и коридоров, а потом, повзрослев, умирали в родах. Мальчишки, которые с криками носились по ее лестницам, после чего дотемна стояли, наказанные, в углу, через немного лет обретали вечный покой в местах, никогда не упоминавшихся на уроках географии — при холме Сан-Хуан, у Белло-Вуд, в заливе Омаха, на Окинаве, у высоты Порк-Чоп-Хилл, под южнокорейским Инчхоном...

Раньше вокруг здания Центральной школы зеленели свежей листвой молодые вязы, бросавшие в мае и сентябре ажурную тень на окна младших классов. Но со временем ряды деревьев изрядно поредели; состарившиеся гиганты, стоящие по периметру школьного двора словно молчаливая стража, изболелись, кальцинировались и превратились в некое подобие скелетов. Некоторые деревья срубили и увезли на тележках, но большинство осталось, и теперь силуэты их голых остовов высились над игровой площадкой, подобно иссохшим рукам, которые своими узловатыми пальцами норовили дотянуться до школьных окон.

Редкие гости, посещавшие маленький городок Элм-Хейвен и пожелавшие посмотреть здание Центральной школы, проехав пару кварталов, отделявших ее от шоссе, часто принимали этот дом за чересчур разросшееся здание суда или какой-нибудь случайно заблудившийся в городе сельский дом, рас-

пухший от собственного высокомерия. А ведь действительно, зачем крохотному городку, чье население не насчитывало и двух тысяч жителей, потребовался этот трехэтажный монстр, торчащий посредине обширного пустыря? Уже потом гости замечали игровую площадку с разными качелями-каруселями и понимали, что стоят перед школой.

Весьма странной, надо сказать, школой! Ее черную покатую крышу, возвышавшуюся над землей на целых пятьдесят футов, венчала позеленевшая от времени бронзово-медная башня, похожая на колокольню; змееподобные неороманские каменные арки нависали над гигантскими двенадцатифутовыми окнами, а рассыпанные по стенам то тут, то там витражи наводили на мысль о каком-то странном гибриде школы и католического собора. Довершали картину мансардные окна с остроконечными верхушками, возвышавшиеся над карнизами третьего этажа и напоминавшие элементы замкового фасада, странного вида каменная резьба по стенам, над утопленными вглубь дверями и пустыми глазницами окон. Но более всего досужего наблюдателя ошеломляли неуместные, почти зловещие, размеры этой громадины. Четырехэтажная Центральная школа, со своими тремя рядами окон, выступающими карнизами и остроконечными слуховыми окнами, покатой крышей и покрытой патиной башенкой казалось непомерно большой для столь маленького городка.

Если путешественник хоть немного разбирался в архитектуре, он выходил из машины на асфальтовое покрытие улицы и делал фотографию.

Уже сделав это, гость непременно замечал, что высокие окна есть, по сути, огромные черные дыры, созданные словно для того, чтобы поглощать свет, а не отражать его; что неороманский стиль Второй империи, осложненный итальянскими привнесениями, породил грубый и убогий архитектурный стиль, который можно было бы описать как среднезападный школьный готический, и что впечатление, которые производило это строение, ничего общего не имело

с тем, что человек ощущает перед поражающими своим величием зданиями или, на худой конец, перед некими архитектурными редкостями. Нет, перед ним громоздилась нечеловеческая в своих пропорциях и масштабах масса кирпича, сложенная шизофреником и увенчанная колокольней, спроектированной и воздвигнутой, вероятнее всего, конченым безумцем.

Те немногие из гостей, кто пытался разобраться в причинах беспокойства, которое в их душах пробуждало здание школы, могли в поисках ответа отправиться дальше, в город Оук-Хилл, где располагалась администрация округа, и познакомиться с доступной документацией, касающейся Центральной школы. Из бумаг следовало, что строительство этого здания было частью обширного проекта, в соответствии с которым предполагалось возвести целых пять больших школ — Северо-Восточную, Северо-Западную, Юго-Восточную, Юго-Западную и Центральную, из которых построить успели лишь последнюю.

В 1870-е годы городок Элм-Хейвен размером и количеством жителей значительно превосходил то, чем он стал в 1960-е, в основном благодаря железной дороге (ныне заброшенной) и резкому притоку мигрантов, которых привезли сюда из Чикаго амбициозные планировщики. Если в 1875 году население округа насчитывало двадцать восемь тысяч человек, то в 1960 году, если верить результатам переписи, здесь проживало меньше двенадцати. В том же 1875 году Элм-Хейвен мог похвастаться тем, что в городе обитает четыре тысячи триста жителей, и судья Эшли, миллионер, который стоял за планами его застройки, а также работами по возведению Центральной школы, предсказывал, что совсем скоро Элм-Хейвен по количеству населения переплюнет Пеорию, а когда-нибудь станет соперником Чикаго.

Архитектора, которого судья Эшли привез откуда-то с востока, звали Солон Спенсер Олден. Он был учеником Генри Гобсона Ричардсона и Р. М. Ханта, и тот архитектурный кош-

мар, который он произвел, включал в себя самые мрачные элементы того, что стали называть Романским Возрождением, — но, увы, при отсутствии того величия и идеи общественного предназначения, которые несли в себе здания, выстроенные в неороманском стиле.

Судья Эшли настаивал, и Элм-Хейвен вынужден был согласиться, что школу нужно строить с перспективой размещения в ней в будущем большого количества детей, которые, конечно же, появятся со временем в округе Крев-Кер. Поэтому в здании могли учиться не только начальные классы, но и классы средней школы — им отводился третий этаж, который действительно использовался по назначению, но только до Великой войны. Кроме того, были предусмотрены помещения под городскую библиотеку и даже под колледж — на тот случай, когда в последнем появится нужда.

Нужды не возникло — ни в округе Крев-Кер, ни в городе Элм-Хейвен. Огромный дом самого судьи Эшли, стоявший в конце Брод-авеню, сгорел дотла, когда его сын обанкротился во время рецессии 1919 года. Старая Центральная школа в течение всех лет оставалась начальной школой, количество детей в которой неуклонно сокращалось по мере того, как люди уезжали в другие места округа, где были свои, крупные школы.

Классные комнаты, предназначавшиеся для старших классов, оказались никому не нужными, когда в 1920 году в Оук-Хилле открылась настоящая средняя школа. Уставленные школьной мебелью помещения третьего этажа Центральной школы с той поры были отданы во власть паутины и темноты. В 1939 году городская библиотека выехала из крыла, где размещалась начальная школа, и опустевшие полки на ее антресолях глазели вниз на редких учеников, которые уныло перемещались в полумраке по коридорам, непомерно широким лестницам и полуподвальным помещениям, подобно беженцам из какого-то давно брошенного и забытого города.

Наконец осенью 1959 года городской совет и окружное управление школ решили, что Старая Центральная школа пережила свой век, что это архитектурное чудовище — даже в его нынешнем, усеченном виде — не стоит тех денег, что тратятся на поддержание его в порядке и на отопление, и что оставшиеся сто тридцать четыре ученика начальной школы осенью следующего года будут переведены в новую, большую школу, выстроенную возле Оук-Хилла для детей со всего округа.

Но в последний свой день, весенний день 1960 года, за несколько часов до своей вынужденной отставки, Старая Центральная школа все еще гордо стояла на прежнем месте, храня свои тайны и ужасы.

Два

Дейл Стюарт был абсолютно уверен: последний школьный день накануне лета — это самое страшное наказание из тех, что взрослые могли придумать для детей.

Он сидел в своем шестом классе Старой Центральной школы. Время текло медленнее, чем в приемной у зубного врача, медленнее, чем дома, когда у него случаются проблемы с матерью и он ждет не дождется момента, когда наконец придет отец и отменит наказание...

Да! Хуже не бывает!

Часы, тикающие над выкрашенной в синий цвет головой Старой Двойной Задницы, показывали два сорок три пополудни. Календарь на стене уверял, что на дворе — среда, первое июня тысяча девятьсот шестидесятого года, последний день учебного года, последний день, в течение которого Дейл и его одноклассники должны терпеть смертную скуку заточения в тесном брюхе Центральной школы. Но, что бы ни говорили часы и календарь, время точно остановилось, и Дейл чувствовал себя словно насекомое, попавшее в янтарь, — как тот

самый паук, что навеки застыл внутри желтого маслянистого на ощупь камня, который отец Кавано одолжил Майку.

Делать было совершенно нечего. Не нужно было ни читать, ни писать, ни складывать, ни вычитать. К половине второго все шестиклассники уже успели сдать свои учебники в библиотеку, где миссис Даббет тщательно обследовала сдаваемое на предмет повреждений, хотя Дейл никак не мог сообразить, каким образом ей удастся отличить свежие повреждения от тех, что были нанесены этим уже потрепанным книжкам за все прошлые годы их бурного существования. Сделав это, они сели в дико пустынном классе, где деревянные парты были тщательно выскоблены, а с доски для объявлений были сорваны все бумажки, и Старая Двойная Задница, находясь словно в полусне, предложила им почитать что-нибудь художественное, хотя должна была знать, что все художественные книжки они сдали в библиотеку еще в прошлую пятницу — иначе бы им не отдали их табели с оценками за год.

Дейл мог бы принести какую-нибудь книжку из дома — про того же Тарзана (он оставил ее раскрытой на кухонном столе, когда в полдень приходил на ланч) или книжку-перевертыш с двумя научно-фантастическими романами, которые как раз читал. Но он и мысли допустить не мог, что школа — это место, где читают что-то подобное. В школе ставят галочки на бланках дурацких тестов, слушают учителя да отвечают на вопросы — настолько тупые, что ответ на них из учебника способен вытащить последний идиот.

И вот Дейл, а с ним еще двадцать шесть шестиклассников вынуждены сидеть в спертом от летней жары и влажности воздухе классной комнаты, а за окнами тем временем начинается гроза, и от налетевших туч полумрак, царящий в помещении, превращается в настоящую темень, и кажется, что само лето становится размером с кулачок, и стрелки часов замерзли окончательно, а затхлая атмосфера, сгустившаяся донельзя, окутала их всех словно старое одеяло.

Дейл сидит на четвертой парте во втором ряду справа. Отсюда он видит вход в раздевалку и дальше, по темному коридору, дверь в пятый класс, где так же, как и он, ждет конца учебного года его друг, Майк О'Рурк. Майк с Дейлом одногодки... Майк даже постарше Дейла на целый месяц, но последние два года друзья были разлучены пропастью глубиной в один школьный год. В четвертом классе Майка оставили на второй год, но он воспринял это с обычным своим спокойствием, которое демонстрировал в любой ситуации, — хохмил по поводу своего второгодничества и вообще оставался главарем их компании, нисколько не злясь на миссис Груассан, старую ворону, которая провалила его на переходном экзамене, как считал Дейл, из чистого гадства.

Кое-кто из близких друзей Дейла сидел в одном с ним классе. На первой парте в первом ряду, под неусыпным оком миссис Даббет, расположился Джим Харлен. Теперь он сидел, уперев подбородок в ладони, а глаза его нетерпеливо рыскали по классу. Джим ерзал, словно его кололи иголками. Дейл тоже готов был ерзать и дергаться, но сдерживал себя. Увидев, что Дейл смотрит на него, Джим состроил рожицу, скривив подвижные, словно из силикона, губы.

Старая Двойная Задница откашлялась, и Джим замер.

В последнем ряду от окна сидели Чак Сперлинг и Диггер Тейлор — приятели, лидеры класса, искушенные в искусстве политических козней. Придурки. Дейл редко встречался с ними за пределами школы — только на практике или во время соревнований Малой лиги. Позади Диггера устроился Джерри Дейсингер в серой драной футболке. На улице и дома все носили футболки, но в класс в футболках приходили только самые бедные ученики, вроде Джерри и братьев Корди Кук.

Сама Корди сидела позади Джерри. На ее спокойном луноподобном лице царило выражение, граничащее с откровенной тупостью. Она повернула свою плоскую физиономию к окну, но, казалось, не видела абсолютно ничего. Корди жевала резинку; она всегда жевала резинку, но по какой-то

причине миссис Даббет не обращала на это внимания и не наказывала девчонку. Если бы Харлен или другие классные оторвы принялись жевать резинку с такой жадностью, миссис Даббет уж точно спустила бы на них собак, но для Корди это было, похоже, естественное занятие. Дейл ничего не знал о том, как и почему жуют свою жвачку домашние животные, но образ жующей коровы постоянно всплывал перед его взором, когда он видел Корди.

Позади Корди, на последней парте у окна, сидела Мишель Стэффни. Полная противоположность Корди, Мишель была одета в аккуратно отглаженную нежно-зеленую блузку и коричневую юбку. Солнце светилось в ее рыжих волосах, и со своего места Дейл мог видеть веснушки, усыпавшие ее бледную, почти прозрачную кожу.

Мишель подняла голову и перехватила взгляд Дейла. И тени улыбки не скользнуло по ее лицу, но ее приязненного взгляда было достаточно, чтобы сердце одиннадцатилетнего подростка глухо забилось.

В классе сидели далеко не все друзья Дейла. Кевин Грумбахер учился в пятом классе, и на вполне законных основаниях, потому что был моложе Дейла на девять месяцев. Лоренс, брат Дейла, ходил в третий класс, к миссис Хоу, и теперь сидел на первом этаже.

Еще один друг Дейла, Дуайн Макбрайд, расположился неподалеку от него, на третьей парте центрального ряда. Дуайн был вдвое тяжелее любого другого толстого парня в классе. Сейчас он был занят тем, что писал что-то в потертом блокноте — такие блокноты и записные книжки он таскал с собой постоянно. Непослушные волосы на голове Дуайна торчали пучками, он поминутно поправлял очки и хмурился из-за того, что писал, после чего вновь принимался за работу. Несмотря на жару, на Дуайне была плотная фланелевая кофта и мешковатые брюки из вельвета — наряд, который он носил в школе круглый год, включая зиму. Дейл не помнил, чтобы на Дуайне когда-нибудь была футболка или джинсы,

несмотря на то что тот жил на ферме (и Дейл, и Майк, и Кевин, и Джим были горожане) и наверняка помогал дома по хозяйству.

Дейл заерзал. Было без одиннадцати минут три. Последний школьный день неумолимо шел к своему финалу. Кто-то очень умный придумал так, чтобы ровно в три пятнадцать к школе подходил автобус.

Дейл посмотрел на портрет Джорджа Вашингтона, украшавший переднюю стену, и в десятитысячный раз за этот год задал себе вопрос: с какой это стати школьное начальство решило повесить в классе копию с неоконченного портрета. Взгляд его скользнул вверх, к потолку, потом — к десятифутовым окнам, от них — к книжным полкам. А что будет с книгами, по которым они учились? Перевезут ли их в новую, большую школу? Или сожгут? Вероятно, все-таки последнее — кто захочет тащить эти древние заплесневелые тома в новую, с иголочки, школу, которую родители Дейла показали своему сыну, когда они проезжали мимо?

Время — без десяти три. Двадцать пять минут до начала лета. Двадцать пять минут — и свобода!

Дейл посмотрел на Старую Двойную Задницу. Эту кличку она получила не в насмешку и не из чувства злости. Просто она всегда была Старой Двойной Задницей. Одна кличка на двоих. Уже тридцать восемь лет миссис Даббет и миссис Дагган преподавали в шестом классе, поначалу в соседних комнатах, а потом, когда население шестого класса поубавилось (именно тогда, когда родился Дейл), стали работать в одной: миссис Даббет вела чтение, письмо и обществоведение утром, а после ланча миссис Дагган преподавала математику, естественные науки, спеллинг и, в качестве довеска, чистописание. Две старые задницы в сумме дают одну Старую Двойную.

Они были словно вечные герои комиксов, Матт и Джефф, или юмористы Эбботт и Костелло, но, увы, уже неспособные смешить. Миссис Дагган была высокой и худой, миссис Даббет — коротенькой и толстой. Голоса их тоже разительно от-

личались по тембру и тону. Но жизни их были тесно переплетены: они проживали в двух соседних викторианских домах на Брод-авеню, ходили в одну и ту же церковь, вместе ездили на курсы в Пеорию, вместе отдыхали во Флориде... Два неполноценных существа, которые сложили вместе свои достоинства и недостатки, став единой, целостной личностью.

А потом, как раз в последний год жизни Центральной школы, накануне Дня благодарения, миссис Дагган заболела. Рак. Об этом, думая, что мальчики не слышат, миссис О'Рурк сказала шепотом матери Дейла. После рождественских каникул миссис Дагган в школу не вернулась, но вместо того, чтобы пригласить на работу нового человека, что, естественно, подтвердило бы серьезность болезни миссис Дагган, миссис Даббет сама взялась тащить предметы, которые недолюбливала, «пока Кора не вернется», а после работы отправлялась ухаживать за приятельницей — сначала к ней домой, а потом, через несколько недель, в больницу. Но вот, однажды, перед самым Валентиновым днем, не пришла в школу и миссис Даббет; впервые за десятилетия в классе появился другой учитель, а на игровой площадке из уст в уста шепотом передавали новость: миссис Дагган умерла.

Похороны состоялись в Девенпорте, и никто из учеников не присутствовал. Никто бы не присутствовал и в том случае, если бы миссис Дагган хоронили здесь, в Элм-Хейвене. Миссис Даббет вернулась из Девенпорта спустя два дня.

Дейл посмотрел на учительницу и почувствовал в душе нечто вроде жалости. Миссис Даббет была такой же толстой, как и всегда, но теперь плоть висела на ее остове как пальто слишком большого размера. Когда она двигалась, кожа на нижней стороне ее рук, словно отслоившись от костей, болталась как гофрированная бумага. Глаза ее потемнели и так глубоко утонули в глазницах, что казалось, это просто пара синяков. Миссис Даббет сидела, глядя в окно с выражением лица пустым и бездумным — точь-в-точь как у Корди Кук. Ее покрашенные в синий цвет взъерошенные волосы пожел-

тели у корней, а одежда висела нелепым мешком, словно Старая Двойная Задница застегнулась не на те пуговицы. От нее исходил тяжелый запах, напомнивший Дейлу то, как пахла перед Рождеством миссис Дагган.

Он вздохнул и устроился поудобнее. Время — без восьми минут три.

В темном коридоре кто-то воровато двигался, стараясь быть незаметным. Бледное пятно на фоне темной стены. Дейл узнал Табби Кука, толстого брата Корди из четвертого класса, полного идиота. На нем был обычный комбинезон с нагрудником. Добравшись до лестничной площадки, Табби пытался, не попадаясь на глаза Старой Двойной Заднице, привлечь к себе внимание сестры. Бесполезно! Корди была загипнотизирована видом синего неба за окном и вряд ли заметила бы братца, даже если бы он швырнул в нее камнем.

Дейл кивнул Табби. Тот, ухмыльнувшись в ответ, показал ему средний палец и помахал бумажкой, напоминавшей разрешение на поход в туалет, после чего исчез в темноте.

Дейл покачал головой. Табби иногда играл с Дейлом и его друзьями, несмотря на то что семейство Куков жило в одной из крытых брезентом хижин из шлакоблоков, стоящих вдоль железнодорожных путей возле элеватора. Табби был толст и некрасив, глуп и плохо умыт, а еще он использовал гораздо больше непечатных слов, чем все прочие четвероклассники, вместе взятые, но ничто из этого не было препятствием к тому, чтобы его считали частью компании городских ребят, именующих себя Велосипедным Патрулем. Но, как правило, Табби не слишком часто пользовался этим правом.

А интересно, куда это толстяка понесло? Дейл снова посмотрел на часы. Было по-прежнему без восьми три.

Насекомые в янтаре.

Табби Кук понял: махать сестре бесполезно — и поспешил к лестничной площадке, чтобы скрыться, пока его не заметила Старая Двойная Задница или еще кто-нибудь из учителей.

У него было разрешение на поход в туалет от миссис Груассан, но это не означало, что кто-то из этих старых калош не захочет перехватить его и вернуть в класс, чтобы без дела не болтался по коридорам.

Табби потопал вниз по деревянной лестнице, из который целые поколения учеников выбивали своими ногами щепу, и поспешил к площадке под круглым окном. Чахлый красноватый свет струился через окно с неба, где набухали грозовые тучи. На площадке и на узкой антресоли, ее окружавшей, находились пустые полки, принадлежавшие когда-то городской библиотеке. Табби не помнил, чтобы на них когда-то стояли книги. Он двинулся дальше.

Табби торопился. До конца учебного года оставалось менее получаса, а ему нужно было успеть попасть в туалет для мальчиков до того, как они навсегда закроют это чертово место.

На первом этаже было светлее, да и выглядело все более по-людски из-за гула и шума, который доносился из классов, где занимались самые маленькие, от первого до третьего класса. Даже лестничный пролет, который вел в сумерки верхних этажей, не казался таким мрачным. Табби быстро пересек открытое место и, не замеченный никем из учителей, проскочил через дверь, направившись вниз по лестнице в подвал.

Дикость какая-то, но в этой идиотской школе не было туалетов ни на первом, ни на втором этаже. Зато в подвале их было больше чем достаточно: туалеты для начальных и средних классов, запертый туалет в комнате для учителей, крохотный сортир возле бойлерной, где справлял нужду Ван Сайк. Не исключено, что туалеты были и дальше в подвальном коридоре, уходящем в темноту.

Табби знал то, что знали прочие ученики, — что есть лестница, которая ведет из подвала еще дальше вниз. Но, как и все, Табби туда не ходил, да и не собирался! Господи! Там даже не было света, и только Ван Сайк да директор Рун знали, что прячется там, внизу.

Может быть, там еще есть туалеты?